

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ

Лекции по истории позднего средневековья (Лекция 1 (10 Сентября))

Мы будем заниматься историей последних трех столетий, так называемой новой историей¹.

Известно, каким рубежом этот отдел истории отделяется от истории средневековой — открытием Америки, началом движения реформационного в Германии. Следовательно, последними годами XV и первыми XVI столетия начинается эпоха, к изучению которой мы приступим. Мы имели случай сказать в предыдущих курсах о самоуправном делении истории на периоды, но отделение истории средней от новой основано на самой сущности предмета. Если мы всмотримся в отличительный характер этих отделов истории, мы увидим здесь глубокое различие, мало — отрицание новой историей того, что служило содержанием истории средней. Характеристические особенности новых веков выдаются при сравнении их с древними и средними веками. Если обратимся назад, к древней истории, мы увидим, что она начинается на Востоке, в Азии, завершается на берегах Средиземного моря, около которого жили главные исторические народы древнего мира; Греция и Рим — вот два главных деятеля древней истории². Известен характер греко-римской жизни, по преимуществу муниципальный. Гражданин взял верх над человеком. Государство подчинило себе все остальные области человеческой деятельности и наложило печать на всю религию, искусство; человек настолько пользовался правами, насколько принадлежал тому или другому государству.

Без определения гражданина ему нет места. История средних веков принимает другой характер; театр истории становится ши-

ре; от берегов Средиземного моря, сделавшегося Римским озером, история идет далее на север, народы германские становятся на первом плане; Восточная Европа — древняя Скифия постепенно вдвигается в историю, хотя передовыми народами своими, живущими на окраинах германского мира.

Но не одно это внешнее различие отделяет среднюю историю от древней. Другие формы жизни, другие понятия отличают их. Между тем как древняя жизнь была муниципальная, каждый город был отделен, пока Римская империя не расплавила их в себе самой. В истории средних веков, преимущественно в первые 7 столетий этого отдела, города не играют почти никакой роли. Властители народонаселения, на плечах которых лежит история, живут вне городов.

Мы видели, как в истории средних веков эти внешние условия жизни, замок, доспех, вооружение содействовали к образованию тех неукротимых характеров, своенравных личностей, которые не склонялись ни пред кем. Между тем как в древнем мире отдельные личности терялись в государстве, в средней истории лицо ставит себя бесконечно выше государства; феодализм отрицал государство; мы бываем часто принуждены употреблять выражение: феодальное государство, но в сущности этого государства не было. Под государством разумеется органическое целое, где каждый член имеет свои должности, свои права: в феодальном государстве только господствующее сословие имело права.

Еще одно великое различие между средним и древним миром — религиозное: в древнем мире каждый народ имел свою религию, религия была народною, продуктом национальности, как искусство; в древней мифологии каждый народ выразил сам себя, создавая ее по своему образу. Отсюда свирепая вражда народов древнего мира; сражаются не только люди, но и божества. Рим в знак примирения собрал богов в Пантеон, но насильно боги не помирились, образовалось новое безобразное религиозное служение, источник постоянного неверия для образованных и суеверия для необразованных.

Оторванные от родной почвы божества древнего мира потеряли всякое значение; их место было там, где создала их народная потребность; они оторвались от родины и не пристали к Риму. Совсем другое в среднем мире: здесь одна религия, соединяющая все человечество в одно великое братство, обещающая ему единую будущность. Распространение этой религии пространственное,

ее судьбы составляют один из самых важных отделов истории средних веков. Эта общность религии, принятой западными народами, условила возможность единой европейской цивилизации.

Несмотря на расколы и реформации, западная цивилизация сохранила при всех разнообразных народных цивилизациях нечто общее, общую европейскую цивилизацию, в которую каждый из этих народов принес свою дань. Но эти борьбы религиозные, которых был свидетелем древний мир, распространились еще в большем объеме в средних веках; целые массы и системы религиозные боролись - такова была борьба христианства с исламом.

Была одна страшная пора для человечества западного — VIII век, когда в порывах первого одушевления поклонники ислама завоевали всю Северную Африку и грозили тем же Европе. Флот аравийский осаждал Константинополь, войска — Пиренейский полуостров. Острова Средиземного моря были большей частью в руках магометан. В этом первом столкновении христианство должно было уступить много стран, покрытых остатками древней цивилизации.

С конца XI столетия эта борьба принимает новый оборот. Наступательное движение принадлежит уже христианству. Войны, известные под именем крестовых походов, кончились, по-видимому, неудачно для Западной Европы, она должна была отказаться от завоеваний своих; но Европа вынесла из этих войн другое, духовное, внутреннее завоевание. Победа ислама была только наружная, внешняя. Последним актом в битве ислама и христианства было падение Византийской империи, одряхлевшей, ограниченной почти в одном городе, отрезанной от христианских народов, ибо турки успели занять славянские земли, откуда они набирали своих ратников.

Новая история открывается при обстоятельствах, по-видимому, неблагоприятных. Южный конец Европы занят могущественным воинственным племенем, вся тяжесть борьбы с ним пала на Польшу и на Венгрию. Венецианская республика помогала им, но занята была еще другими своими делами. Наконец, еще одно великое характеристическое явление, отличающее Европу новую от средневековой. Мы видели, до какой степени были упрямы античные национальности, у которых было все отдельное, даже религия; можно сказать без преувеличения, что идея национальности чужда средневековому миру, он не знает народностей, знает лишь сословия. Везде, на всех концах Европы у феодального

владельца общие враги - города и вилланы. На всех концах Европы идет мучительный процесс образования национальностей; деятелями здесь - монархи; надо было задавить и непокорную общину и непокорный замок, за стенами которого феодальный владелец считал себя таким же господином и властителем. Надо было, чтобы эти упорные особенности сплавились в национальности. Этим мучительным процессом исполнены XIV и XV век. Не без труда, не без страшных борений образовались они. Феодализм, разбитый, лишенный политической самостоятельности, сохранился в преданиях, в надеждах; в продолжение XVI, XVII столетия он являлся в разнообразных формах, не принимая [уже] имени феодализма, но мы увидим не раз его попытки выразить свою власть. Не говорим о пространственной различии новой истории от средней и древней, о тех землях, которые вошли в состав истории в течение средних веков. Целый мир, Америка, Новая Голландия присоединились к прежним землям, и Европа стала сбывать сюда избыток своего народонаселения, делая там смелые опыты - образовать новые общества на основании неудавшихся прежде идей.

Таким образом между историей средней и новой есть глубокое различие. Но всякий раз, когда падает один порядок вещей, являются вестники, которых опытное око умеет узнавать падение. Тогда против всякого прежнего направления является новое решительное направление. У средних веков была своя география, свое государство, своя церковь и наука. И вот в исходе XV столетия является Христофор Колумб и разбивает рубежи, поставленные миру в средних веках. Новому человечеству тесно в прежних пределах. Предвидимы были страшные борьбы... Христофор Колумб приготовил убежище для беглецов. У средних веков было свое государство, свои политические теории. В конце XV и начале XVI столетия раздается страшный голос флорентийского гражданина Николая Макиавелли.

Более резкого отрицания средневековых теорий нельзя себе представить. И единство средневековой церкви было разбито Реформацией в немногих личностях, которые смело начали борьбу. Но средний век еще не изжил всех начал своих до конца. Наконец, средневековая наука, схоластика, некогда столь блестящая и смелая, сделавшаяся в XIV и XV столетиях наукою о формах, бесплодную, которой назначением сделалось защищать истины и понятия средних веков, и эта наука разбивается усилиями

гуманистов: Эразм, Рейхлин поднимаются против нее. За ними — юная дружина людей, изучивших и уважающих глубоко классическое искусство. Повсюду, одним словом, заметен разрыв между средневековой и новой жизнью. Может быть, в целой истории человечества нет такой торжественной и радостной эпохи, как эта. Самые сухие исследования ученых носят в то время какой-то лирический характер. Они думали, что долгие испытания кончились, что все идеалы человечества готовы осуществиться. События не оправдали этих надежд: XVI и XVII века представляют нам страшные борьбы между старыми и новыми элементами. Человек нетерпелив; он думает, что с падением одного тотчас начинается лучшее, но история не торопится. Разрушая один порядок вещей, она дает время сгнить его развалинам, и разрушители прежнего порядка никогда не видят своими глазами той цели, к которой шли они. Следовательно, мы увидим в новой истории постоянные, непрерывные борьбы между уцелевшими элементами средних веков, новые требования, новую науку, новые идеи. Это дает новой истории такой драматический характер...

